

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОСЕРБСКОЙ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОЙ ИДЕИ)

В. В. Борисенко

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, Беларусь

Возникновение идеи славянской общности в южнославянских землях можно отнести к XVII в., когда изобретатель грамматики общеславянского языка хорват Юрий Крижанич увидел в нем средство для объединения всех славян и расцвета славянской культуры. По мнению советского исследователя Р. О. Якобсона, Ю. Крижанич попытался создать *lingua communis* – чисто славянский язык без иностранных заимствований [1, с. 44]. Достичь цели объединения славянства Ю. Крижаничу не удалось, но он оставил ярчайший след в истории, а его идеи нашли свое продолжение и развитие в последующие столетия.

В конце XVIII–XIX вв. славянские народы Балканского полуострова переживали период, который принято называть «Национальным Возрождением». В это время и произошло окончательное оформление идеологии славянской общности, что во многом было обусловлено расцветом романтизма, идеализацией представлений о славянах и их культуре. Много в этом плане было сделано Иоганном Готфридом Гердером. Он провозгласил славян будущими лидерами Европы, восхищался ими, собирал их фольклор, песни, призывал славянских интеллектуалов развивать родной язык. Он настаивал на праве национального и языкового самоопределения славян уже тогда, когда у них еще не было ни национального самосознания, ни представления о своем независимом будущем: «...у человека, особенно в меньшей степени развитого культурно, нет ничего более значимого и важного, чем язык их отцов. Все его духовное богатство традиций, истории, религии, вся полнота жизни, его сердце и душа хранится в языке народа. Лишение людей их языка или сведение его употребления к минимуму, равнозначно лишению их

собственного бессмертного наследия, которое передается от отца к детям» [2, с. 44]. Его творчество явилось связующим звеном между культурами Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы.

Теоретической базой идеологии славянского единства стала государственная национальная идея, которая была следствием распространения либеральной политической доктрины на Европейском континенте. В политической мысли сложилось представление о том, что у каждой нации должно быть свое собственное государство. В начале XIX в. идеи национального самоопределения приобрели большую популярность в итальянской, немецкой, венгерской общественной мысли. По мере развития национального самосознания возникли различные доктрины культурного и политического объединения и у славян.

Формирование идеи славянского единства в сербских землях основывалось на ранних традициях культурных связей с Россией и с Русской православной церковью. Особенно это проявилось в годы Первого сербского восстания, когда в Санкт-Петербург приходили просьбы о помощи и даже предложения, что в случае образования на Балканах славянского государства, оно примет подданство и покровительство династии Романовых. Уже тогда у вождей повстанцев появились мысли о включении в состав будущего государства боснийских, албанских и болгарских земель [3, с. 66–67]. После образования Сербского княжества, когда встал вопрос выработки его внешнеполитической программы, эти идеи в середине XIX в. получили официальное оформление в знаменитом «Начертании» выдающегося сербского государственного деятеля И. Гарашанина. Процесс подготовки этого документа довольно подробно изложен в исследовании К. В. Никифорова «Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению сербских земель)» [4, с. 51–52]. Автор, в частности, пишет, что программой-минимумом для Сербии было расширение своей территории за счет Боснии и Герцеговины, Черногории и Северной Албании, а также получение выхода к Адриатическому морю. При этом в монографии отмечается гипотетическая возможность присоединения и Хорватии, Славонии, Далмации, Болгарии, отчасти южной Венгрии.

Проведению в жизнь этой программы была посвящена деятельность князя Михаила Обреновича. Ему удалось создать во второй половине 1860-х гг. антитурецкий Балканский союз. В подписанных договорах были обозначены первые разделы подлежащих освобождению европейских владений Османской империи: Эпир и Фессалия должны были отойти к Греции, Босния и Герцеговина – к Сербии [3, с. 119]. Однако уже тогда в острое противоречие вступили две национальные программы – панэллинская и великосербская.

Следует отметить, что великодержавные идеи пустили глубокие корни не только в Сербии, но и во всех балканских странах. Идеологом «Великой Хорватии» явился основатель Партии права А. Старчевич. Он в 1868 г. заявил, что в Хорватии нет сербов, Босния и Герцеговина – составные части Хорватии, мусульманское население Боснии – хорватское, словенцы – «горные» хорваты, а население от Дуная до Адриатики и от Македонии до Германии «имеет одну народность, одно отечество, одну жизнь – хорватскую» [5, с. 62].

В 60-е гг. XIX в. состоялись первые переговоры о возможном создании единого югославянского государства, построенного на союзной основе, между представителями правящих кругов Сербии и национальных политических кругов Хорватии. Но заключить какого-либо соглашения не удалось.

Восточный кризис 1875 г., русско-турецкая война 1877–1878 гг. привели к признанию независимости Сербии и некоторому расширению ее границ. Но позиция России, занятая по вопросу принадлежности «бесхозной» Македонии (Сан-Стефанский договор), столкнула сербскую и болгарскую национальные идеи, предопределив их со-

перничество на этой территории на десятилетия. Настоящим шоком для сербов стало решение Берлинского конгресса о праве Австро-Венгрии на оккупацию Боснии, Герцеговины и Новипазарского санджака. Рухнули надежды на их возможное присоединение к Сербии, что составляло основу сербской национальной идеи в XIX в.

Следовало выработать новый подход, который учитывал бы новые реалии. Его формирование связано с деятельностью основанной в январе 1881 г. Народной радикальной партии. В основных чертах он был выработан к концу 80-х гг. и заключался в собирании всех населенных сербами земель вокруг Сербского государства. Во многом она опиралась на те же идеи, которые высказывались И. Гарашанином в «Начертание». Новым было то, что признавалась неизбежность поэтапного и постепенного решения этого вопроса при опоре на поддержку России [3, с. 156]. С момента избрания в 1903 г. на сербский престол Петра Карагеоргиевича разработанная радикалами программа фактически становится официальной национальной доктриной государства.

Интересно, что понимали радикалы под сербскими землями, которые в перспективе должны были объединиться в единое государство? В конце XIX в. существовало устойчивое представление о единстве сербов, хорватов и словенцев, как трех племен единого народа. Основываясь на общеевропейских тенденциях, в частности недавних объединениях Германии и Италии, делался вывод о необходимости собирания родственных племен в одно крупное государство. А так как именно сербы лучше других сохранили свои славянские особенности, то они должны стать объединительным центром, который поможет остальным излечиться от влияния Запада [3, с. 169–171].

Аннексия в 1908 г. Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, территории которых продолжали рассматриваться сербами как в перспективе свои, вызвало сильное возбуждение в Белграде. Именно его позиция спровоцировала то, что вошло в историю под названием Боснийского кризиса, поставившего Европу на грань войны. Петербург, на поддержку которого рассчитывала Сербия, знал о готовящейся акции и в принципе дал на нее согласие при учете своих интересов. Россия после поражения в войне с Японией и революционных событий не была готова к большой войне. Она твердо решила в случае возникновения вооруженного столкновения между Австро-Венгрией и Сербией соблюдать строгий нейтралитет. Оставшись без могучего союзника, Белграду ничего не оставалось, как молча проглотить эту горькую пилюлю. Война, которая должна была приобрести, по крайней мере, европейский характер, на время была отложена.

Неудача в борьбе за Боснию и Герцеговину была компенсирована на юге в ходе Балканских войн. Осенью 1912 г. Черногория, Сербия, Болгария и Греция начали военные действия против Османской империи, которая потерпела сокрушительное поражение. По итогам войн Сербия увеличила свою территорию вдвое, получив Вардарскую Македонию и Косово. Часть программы по собиранию территорий была выполнена.

Балканские войны укрепили позиции Сербии, а одержанная победа подняла авторитет армии и способствовала усилению ее влияния на проводимую правительством политику. Взгляды вновь обратились к югославянским землям, входящим в состав Австро-Венгрии. Этого добивались и влиятельные военные круги. При активном участии офицеров сербской армии был подготовлен террористический акт 28 июня 1914 г. в Сараево, который послужил поводом для объявления Австро-Венгрией войны Сербии. Потребовалось чуть больше недели, чтобы она приобрела мировой масштаб.

Одним из итогов Первой мировой войны стало образование нового государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев (в последствии Королевство Югославия) во главе с сербской династией Карагеоргиевичей. Оно было строго централизованное, без всякого намека на федерализм, по крайней мере до 1939 г., несмотря на то, что хорваты и словенцы составляли примерно 38 % населения [6, с. 181]. Межнациональные проблемы стали спутником югославянского государства. причем они существовали не

только между сербами, хорватами и словенцами. Как отмечает российский историк В. И. Косик, были еще проблемы македонцев, которых объявили сербами со всеми вытекающими из этого последствиями, боснийских мусульман, которым мстили за притеснения в османскую эпоху, албанцев, которых не признавали национальным меньшинством [7, с. 21–26]. Чем все это закончилось в 90-е гг. XX в., хорошо известно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон, Р. О. Основа сравнительного славянского литературоведения / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1987. – 464 с.
2. Орловская, Е. И. Философия Иоганна Готфрида Гердера как метафизическая основа самоопределения славян / Е. И. Орловская // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию проф. С. Г. Дробязко / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – С. 44–45.
3. На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. И. В. Чуркина. – М. : Индрик, 1997. – 416 с.
4. Никифоров, К. В. Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению сербских земель) / К. В. Никифоров. – М. : ИСБ РАН, 1995. – 185 с.
5. Бенчева, К. Б. Берлинский статус-кво и национальный вопрос на Балканах / К. Б. Бенчева // Национально-территориальный фактор в истории Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке и Россия (СССР) : материалы междунар. науч. конф., Минск, 24–25 апр. 2003 г. – Минск : БГУ, 2004.
6. Тшечаковски, Л. Национальный вопрос в XIX и XX вв. как фундаментальная проблема в Центральной Европе / Л. Тшечаковски // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова / отв. ред. Б. В. Носов. – М. : Индрик, 2000. – 488 с.
7. Косик, В. И. Опыт истории страны, которой не было (Сербия в 1918–1941 гг.) / В. И. Косик // Новая и новейшая история. – 2001. – № 5. – С. 22–35.